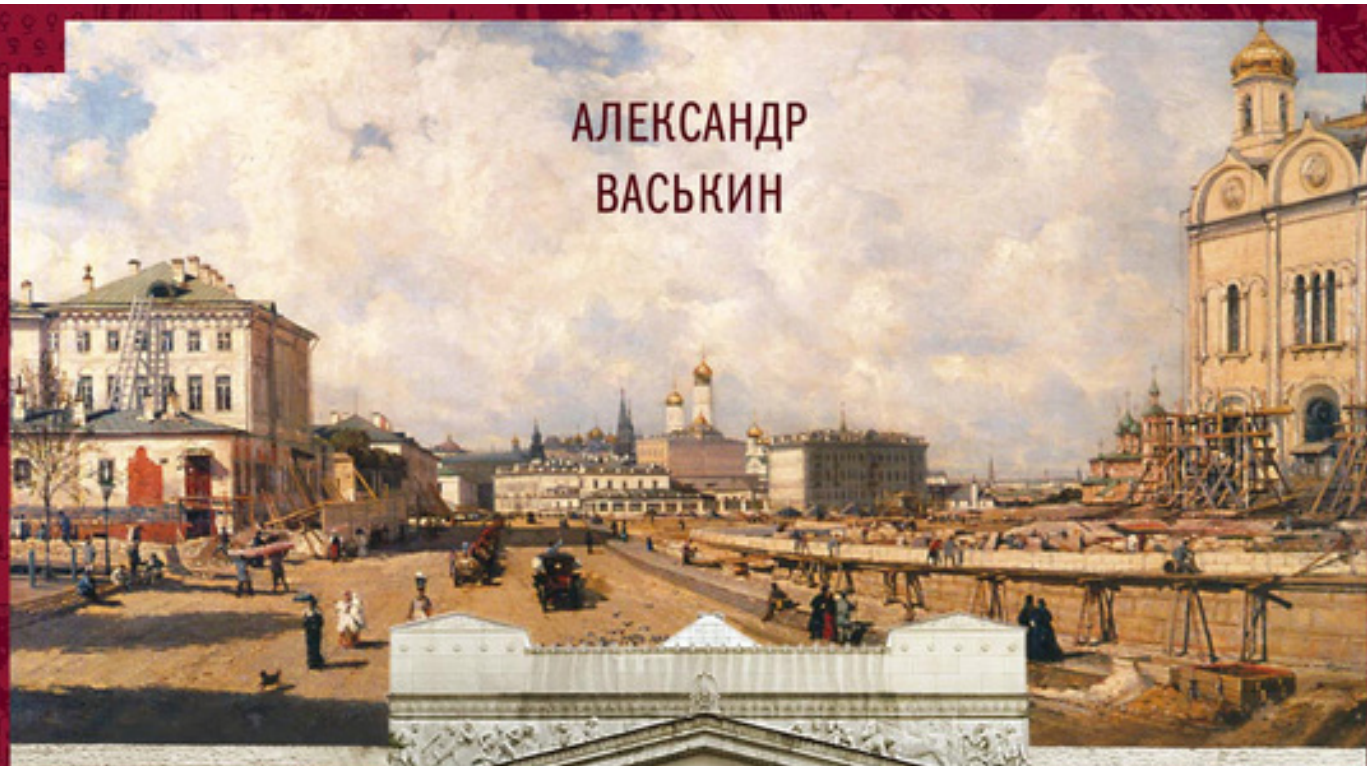

АЛЕКСАНДР
ВАСЬКИН

ВОЛХОНКА ЗНАМЕНКА ЛЕНИВКА

ПРОГУЛКИ ПО ЧЕРТОЛЮ

Александр Васькин

**Волхонка. Знаменка. Ленивка.
Прогулки по Чертолью**

«Центрполиграф»

2015

УДК 908
ББК 26.89

Васькин А. А.

Волхонка. Знаменка. Ленивка. Прогулки по Чертолью /
А. А. Васькин — «Центрполиграф», 2015

Читатели этой книги совершат увлекательное путешествие по улицам древнего района Москвы, причудливо называвшегося когда-то Чертольем. Сегодня его называют музейным кварталом Москвы. Три улицы – Волхонка, Знаменка, Ленивка, четыре переулка – Большой и Малый Знаменские, Колымажный и Лебяжий – и одна набережная – Кремлевская – образуют удивительный исторический и культурный маршрут. Здесь и рассказ о памятниках архитектуры и их создателях-архитекторах: Баженов, Тон, Витберг, Жолтовский, Иофан, и хроника строительства и разрушения домов, а также история жизни людей, связанных с ними. Это художники: Тропинин, Серов, Остроухов; писатели: Пушкин, Вяземский, Островский; артисты: Собинов, Астангов, Живокини, Ленский; музыканты, ученые, коллекционеры: Щукины, Цветаев, Зильберштейн. А также воспоминания современников о Пастернаке, Эйзенштейне, Мейерхольде, Солженицыне, Маяковском. Ответы на многие интересные вопросы московской истории вы найдете, прочитав книгу.

УДК 908
ББК 26.89

© Васькин А. А., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

К читателю	5
Старая Волхонка в древнем Чертолье	7
Подземные ходы Чертолья	11
Улица Волхонка	14
Кабак «Волхонка». Как пили в Москве	15
Улица Волхонка, дом 6. Семейное гнездо Михалковых	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Васькин Александр Анатольевич Волхонка. Знаменка. Ленивка. Прогулки по Чертолью

К читателю

*Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы.*

Марина Цветаева. Домики старой Москвы, 1911

Район Москвы, о котором повествуется в книге, необычный. История его складывалась так своеобразно, что и по сей день остается много вопросов, ответы на которые трудно вместить и в сотню-другую книг. Привлекательность Волхонки, Знаменки и прилегающих переулков объяснялась во все времена близостью к Кремлю, сердцу Москвы. Все происходящее за Кремлевской стеной всегда отражалось на близлежащей местности.

Здесь не так много жилых домов, зато сосредоточено созвездие музеев. Музей изобразительных искусств имени Пушкина, Музей личных коллекций, Музей Н. Рериха, новые музеи – Музей храма Христа Спасителя, Галерея искусства стран Европы и Америки, картин-

ные галереи художников Шилова и Глазунова. Наверное, появятся и новые выставочные площадки, образующие Музейный городок, о создании которого мечтал основатель Музея изящных искусств Иван Владимирович Цветаев. Сегодня его детище стало музеем мирового уровня, известным как Пушкинский музей. И некоторым гостям столицы москвичи объясняют:

Пушкинский музей – это тот, который на Волхонке, а музей Пушкина – на Пречистенке. Но путаются с названиями музеев не только гости, но и сами жители столицы. И все-таки, наверное, неплохо, что у нас столько музеев, в чьем названии есть имя великого русского поэта. Хотя открывалась экспозиция на Волхонке как Императорский музей изящных искусств имени Александра III. Музейная атмосфера воцарилась здесь издавна. В усадьбе князей Голицыных был когда-то Голицынский музей, а в своем доме в Большом Знаменском переулке открывал картинную галерею для обозрения русский промышленник и меценат Сергей Иванович Щукин.

Волхонка не испытывает недостатка в людском внимании. В конце XIX в. здесь началось большое строительство – возводили Музей изящных искусств (Колымажный двор, бывший на его месте, дал название Колымажному переулку). Кипели строительные работы на Волхонке и в 1930-х гг., когда сносили храм Христа Спасителя, а затем строили на его месте Дворец Советов, превратившийся со временем в круглогодичный бассейн «Москва». В 1990-х гг. сюда вновь пригнали строительную технику, на сей раз для восстановления храма.

А сколько шуму наделало объявление планов по расширению площадей ГМИИ имени А.С. Пушкина в 2008 г.! Согласно задумке модного архитектора Н. Фостера лет через десять эти места должны были преобразиться неузнаваемо, конечно, по его мнению, в лучшую сторону, но сегодня необходимая реконструкция вновь под большим вопросом.

А вот и Ленивка, одна из самых маленьких улочек Москвы. И тем не менее по ней ходит троллейбус, шестнадцатый номер. Рогатая машина катится из Котельников по Кремлевской набережной, залезает под Большой Каменный мост, выныривает и почти сразу заворачивает на бывший Ленивый торжок. Лишь несколько десятков метров троллейбус ползет вверх по Ленивке, идущей в гору, и опять поворачивает – теперь уже на Волхонку. Но, несмотря на такое мимолетное движение, все равно успеваешь посмотреть направо из окна троллейбуса и увидеть Лебяжий переулок. Он начинается от моста и всеми своими немногочисленными домами упирается в Ленивку.

А старинные усадьбы, несмотря ни на какие перемены и перестройки, еще стоят, приглашая и нас зайти, посмотреть на то, что осталось. И лишь вывески чередой сменяются на фасадах когда-то дворянских и доходных домов. Так заглянем же внутрь и вдохнем атмосферу старой Москвы.

Старая Волхонка в древнем Чертолье

Стоял когда-то на Волхонке Колымажный двор, а при дворе – церковь Священномученика Антипия, что в Чертолье. До нашего времени церковь уцелела и является единственным напоминанием о древнем Чертольском урочище, на месте которого и возникла улица Волхонка.

Много споров существует по поводу происхождения названия урочища, известного еще с XVI в. Одни утверждают, что местность названа так по глубокому оврагу, по которому протекал в древности ручей *Черторый*, или *Черторой*. Ручей вытекал из Козьего болота, струился вдоль современного Гоголевского бульвара и нес свои бурные воды в Москву-реку. Московиты называли обычно такие овраги *чертороями*. «Словно черт рыл», – говорили они, крестясь и поминая недобрым словом нечистую силу. Эта точка зрения достаточно широко распространена сегодня.

Есть и другое мнение: название старинного урочища связано с находившимся здесь древним культовым сооружением, возникшим задолго до крещения Руси в 988 г. Сторонники этой точки зрения задались вопросом: не свидетельствует ли корень *черт* в слове *Чертолье* о явном влиянии древнего культа бога Перуна у славян-язычников? На месте святилища Перуна была впоследствии выстроена каменная церковь Ильи Обыденного, давшая название Обыденским переулкам. Это не случайно, поскольку культ святого Ильи-пророка заменил язычникам образ дохристианского Перуна.

Не исключен и третий вариант: название произошло от присутствия в овраге границы, то есть черты, разделявшей его, поскольку еще в первой четверти XVII в. здесь жили посадские люди и стояла податная Чертольская слобода.

Храм Святого Антипия, 1880-е гг.

В доисторические времена в урочище находилось древнее городище, затем, уже во времена Ивана Грозного, Чертолье входило в границы Белого города, отделенного от поселений Земляного города мощной кирпичной стеной толщиной в шесть метров. Городские поселения сложились здесь еще в XVII в., сюда же был переведен и Алексеевский монастырь.

Чертолье упоминается в известном указе Ивана Грозного об учреждении опричнины. Царь написал этот указ после того, как, отрекшись от власти, укрылся в Александровской слободе, бояре же отправились к нему депутацией, умоляя вернуться в Первопрестольную. Вот тогда Иван Грозный и подчинил «особное» владение себе, выделив его из «земщины». Москву он поделил между опричниной и земщиной; опричные бояре, дворяне и приказные люди

отныне жили в опричнине, включавшей в себя местность от впадения Черторыя в Москву-реку до Никитской улицы, а именно: улицы Чертольская с Семчинским селом, Арбатская до Дорогомиловского «всполья», левая сторона Никитской, а людям, «которым в опришнине бытии не велел, и тех... велел перевести в иные улицы». Слобода опричников вместе с рынком и кладбищем занимала территорию от Пречистенской набережной до Большой Никитской улицы, там же находилось подворье Малюты Скуратова.

А во времена смуты и междуцарствия Чертолье считалось уже поповской вотчиной, за право жить в которой нередко разгоралась нешуточная борьба, поскольку местоположение древнего урочища имело стратегическое значение. Как пишет немецкий наемный ландскнехт (рыцарь) Конрад Буссов, служивший в Москве с 1601 по 1611 г., «попам, жившим близко от Кремля на Чертолье, пришлось уйти из своих домов и передать их немцам, чтобы те, в случае нужды, днем и ночью могли быстрее оказаться возле царя»¹.

Царь, о котором пишет ландскнехт при московском дворе, – это Лжедмитрий I. После смерти Бориса Годунова в апреле 1605 г. царский трон в Кремле пустовал недолго. Уже в июне 1605 г. в Москву въехал назвавший себя сыном Ивана Грозного и, следовательно, претендентом на московский престол беглый монах Гришка Отрепьев и немедля короновался.

Новоявленный государь процарствовал всего 11 месяцев: «17 мая русские привели в исполнение свой дьявольский план. В 6-м часу утра, когда царь и польские вельможи были еще в постелях и отсыпались с похмелья, их грубо разбудили. Разом во всех церквях ударили в набат, и тогда из всех углов побежали толпами сотни и тысячи человек с ружьями, с копьями или с тем, что попало под руку. Все они бежали к Кремлю...» Лжедмитрия I поймали и убили, а затем долго таскали по Москве привязанным к телеге.

Интересные события разворачивались в Чертолье в 1611 г. В марте сего года много поляков было побито николаитами (так порою называли москвичей иноземцы). В ответ на это польские мушкетеры совершили несколько вылазок из Кремля с целью отомстить горожанам. Поляки уже давно окопались за кремлевскими стенами и боялись выходить оттуда без оружия.

Однажды очередной верховой отряд польских вояк – конных копейщиков, вышедший на подмогу изнемогающим от ожесточенных стычек с николаитами мушкетерам, не смог к ним пробиться, поскольку москвичи разрыли все улицы и перегородили их заграждениями – больверками² и шанцами.

Тогда поляки подожгли угловые дома на улицах, чтобы ветер быстро разнес огонь по всей Москве, что и случилось – за полчаса город был охвачен пламенем от Арбата до Кулишек. В результате пожара выгорела треть Москвы, полякам удалось одержать верх, так как русским было не под силу одновременно обороняться от врага, тушить огонь и спасать своих домашних.

На следующий день непокоренные москвиты закрепились в Чертолье. Территория, которую они занимали, напоминала треугольник, образовываемый большой стеной Белого города; внутри этого треугольника насчитывалось до тысячи стрельцов, к тому же Чертолье не пострадало от пожара. Москвитяне – это еще одно прозвище, которое дали им иноземцы, – ожидали штурма Чертолья с лобовой стороны. Но капитан иноземных ратников, французский офицер Жак Мажерет, служивший ранее телохранителем у Бориса Годунова и Лжедмитрия I, перехитрил чертольских сидельцев. Он вывел своих мушкетеров через кремлевские Водяные ворота по льду и ударил в тыл московским стрельцам.

¹ Из «Хроники событий 1584–1613 гг...», авторы – ландскнехт Конрад Буссов и пастор лютеранской церкви в Москве Мартин Бер.

² Bolwerk – немецкое слово, означающее «крепостная стена». Из немецкого языка это слово перешло во французский – boulevard, то есть бульвар. Обычай устраивать на месте упраздняемых крепостных стен аллеи, окаймленные газонами, деревьями и кустами, пришел в Россию из Франции. Произошло смешение понятий: bolwerk – boulevard. А место, где проходила городская стена, становилось земляной полосой. В конце XVIII – начале XIX в. на месте бывшей крепостной стены Белого города возникли десять московских бульваров.

Поляки жестоко расправились с чертольцами, перебив многих защитников древнего урочища. Иноземные захватчики сожгли все дотла, сровняв с землей дома москвичей. Так в течение двух дней Москва обратилась в грязь и пепел, нетронутым остался лишь Кремль с частью Белого города.

Несмотря на невообразимое разорение, москвичи не подверглись унынию, а продолжали донимать осажденных иноземцев и уже к маю 1611 г. заняли часть Белого города. Интересно документальное свидетельство одного из осажденных – польского дворянина Махоцкого Николая-Скибора, служившего на этот раз уже другому самозванцу – Лжедмитрию II (благом для наемников всех мастей было то, что аферистов на Руси всегда хватало), прозванному в народе Тушинским вором: «Опасаясь, чтобы они (москвичи) не захватили все Белые стены вокруг нас, мы овладели меньшей их частью по ту сторону Неглинной, а именно – четырьмя воротами: Никитскими, Арбатскими, Чертольскими и Водяными...»

В описываемое время – XVII в. – в Чертолье жили дворовые люди, а уже через сто лет, в XVIII в., эта местность была густо заселена дворянами. Близость к Кремлю (даже в те времена, когда Москва уже не была столицей) определяла важное значение самого факта проживания на Волхонке. Неудивительно, что Чертолье всегда привлекало к себе повышенное внимание именитых и знатных поселенцев. До нашего времени дошли сведения о стоявших здесь усадьбах многих родовитых семейств – Вяземских, Волконских, Румянцевых, Лопухиных, Голицыных, Романовых и других.

Подземные ходы Чертолья

Многолетняя эпопея поисков библиотеки Ивана Грозного, известной как *либеря*, не обошла стороной и Чертолье, благодаря чему мы имеем возможность ознакомиться с интереснейшими сведениями о подземных ходах, ведущих из Кремля в центр современной Москвы.

В 1932 г. при разборе церкви Старой Троицы (или, как ее еще называли, Похвалы Пресвятой Богородицы, что в Башмачках) был найден подземный каменный склеп, а в склепе – плита с надписью, что под ней покоится небезызвестный Малюта Скуратов, убитый в 1570 г. во время Ливонской войны. Деревянная церковь на этом месте известна с 1475 г. В ней находилась чудотворная икона святого Николая. Церковь сгорела в 1629 г. На ее месте в 1694 г. был заложен новый каменный храм, построенный на деньги, завещанные в 1689 г. подьячим А. Шандиным. Церковь называлась также Старая проща, что указывало на наличие в ней чудотворной иконы. Человека, исцелившегося от чудотворной иконы, называли «прощенник», то есть прощенный Богом. Всего таких церквей, в которых находились чудотворные иконы, в Москве было три: Похвалы Пресвятой Богородицы (икона святого Николая), Николы Явленного на Арбате (икона Николы) и Параскевы Пятницы на Пятницкой улице (икона святой Параскевы).

Главный иконостас церкви Похвалы Богородицы принадлежал эпохе московского барокко. Иконы были написаны Кириллом Улановым. Москвичи очень почитали Николая Угодника, и в том числе и по этой причине «немцы», то есть иностранцы, называли москвитян еще и николаитами.

Что касается сведений о захоронении в церкви Малюты Скуратова, одного из приближенных Ивана Грозного, то это не подтверждено документально, так как официальным местом его захоронения считается Иосифо-Волоколамский монастырь. Но легенда занятная.

На Ваганьковском холме, где ныне стоит Пашков дом, стоял двор Ивана Грозного. По древней легенде, между ним и подворьем Скуратова в Чертолье существовал подземный ход, остатки которого были обнаружены в 1980-х гг. археологической разведкой Музея истории Москвы. Древнее Чертолье славилось своими подземными ходами, по одному из них в сентябре 1812 г. пытался бежать из Кремля в Петровский дворец Наполеон.

Храм Похвалы Пресвятой Богородицы, что в Баимачках, 1880-е гг.

В начале 1930-х гг. инженер А.Ф. Иванов, разбирая чертежи храма Христа Спасителя, обнаружил в них интересную деталь – восточная часть храма имела на чертеже дверной проем, обозначенный пунктиром. Исследуя оставшиеся после взрыва цокольные стены храма, инженер пришел к выводу, что под каменной кладкой стены находится дверь. Разобрав кладку, Иванов действительно обнаружил под ней железную дверь, которая вела в мрачное подземелье в сторону Москвы-реки. Уходящие вниз ступени привели к туннелю в человеческий рост. Вскоре впереди появилось разветвление – левый рукав подземелья вел в сторону улицы Ленивки, правый – в противоположном направлении, к Соимоновскому проезду.

Интересно, что мощнейший взрыв, стерший с лица земли храм Христа Спасителя, не повредил подземный ход, что позволило двинуться дальше по левому туннелю, ширина которого стала уже меньше – около 70 сантиметров. Примерно под Всехсвятским проездом обнаружилась ниша – человеческие кости с остатками ржавых цепей. Видимо, здесь и находилась подземная тюрьма опричников. Судя по тому, как располагались скелеты, узники подземелья свои последние дни провели прикованными цепями к стенам туннеля.

Где-то в районе Ленивки вновь возникла железная дверь, она и вела в Кремль, к палатам Ивана Грозного. Подземный ход не заканчивался обнаруженной дверью, от нее шло еще одно ответвление – видимо, это и был подземный путь к Ваганьковскому холму от Чертольского подворья Малюты Скуратова.

К сожалению, пройти до конца подземного туннеля и удостовериться в правдивости древних преданий исследователю не удалось. Что же касается правого туннеля, то он в конце концов привел к Москве-реке, где и заканчивался. Подобное строение подземного хода позволяло проникнуть через Чертолье в Кремль по водному пути. Особенно ценным этот подземный ход являлся в зимнее время, когда Москва-река покрывалась льдом и не составляло большого труда незаметно подобраться к Чертолье.

На этом наш краткий исторический очерк о Чертолье заканчивается, и мы переходим к подробному описанию улиц этого древнего района Москвы.

Улица Волхонка

Волхонке повезло: в отличие от многих старых московских улиц ей удалось избежать переименований, и на протяжении прошлого века она сохраняла историческое название. До 1658 г. улица называлась Чертольской по урочищу Чертолье. Затем по указу царя Алексея Михайловича стала называться Пречистенской как часть дороги из Кремля к иконе Пречистой Смоленской Божией Матери, находившейся в Новодевичьем монастыре. Таким образом царь пытался стереть любое упоминание нечистой силы на карте Москвы. В XVIII в. восточная часть улицы получила название Ленивка. В то же время оставшийся отрезок улицы начинает называться Волхонкой. К середине XIX в. уже за всей улицей окончательно закрепляется имя Волхонка, вытесняя все прежние.

Кабак «Волхонка». Как пили в Москве

Укоренившееся название возникло по находившемуся здесь кабаку «Волхонка», расположенному в доме князя Волконского у Пречистенских ворот. Пречистенские ворота Белого города стояли на месте нынешней станции метро «Кропоткинская». В кабаке «Волхонка» часто любили бывать студенты расположенного неподалеку Московского университета, хотя посещение ими питейных заведений не приветствовалось. Кабак этот был известен в Москве как весьма буйный, известный драками и боями между принявшими на грудь посетителями.

Удивительно ли, что кабак дал название улице? Для старой Москвы – нет. Каких только кабаков не было в Первопрестольной... Одни названия чего стоят – «Истерия», «Карунин», «Хива», «Лупихин», «Варгуниха», «Крутой яр», «Денисов», «Наливки», «Ленивка», «Девкины бани», «Агашка», «Заверняйка», «Красилка», «Облупа», «Щипунец», «Феолка», «Татьянка», «Плющиха». Москвичи любили посещать питейные заведения, и не только мужчины.

Московский бытописатель Иван Кондратьев, сам большой любитель заложить за воротник, взялся и написал в 1893 г. об истории кабацкой Москвы:

«Любопытно хоть коротко проследить исторически, как наш народ шел к милой для него теперь отраве. До 1389 г. всякая питейная продажа в России была вольная, так же как и всякие харчевные припасы; но в упомянутом году ханы татарские, обладавшие Россиею, продажу и употребление крепких напитков строго запретили, что продолжалось до времен царя Иоанна Васильевича Грозного.

В 1552 г. по велению этого государя для его ужасной опричнины был построен первый кабак. Место было избрано на Балчуге, за Живым (через Москву-реку) мостом, между нынешним Москворецким и Чугунным (через канал) мостами. Вино в этом кабаке не продавалось, но он, собственно, выстроен был для того, чтобы опричники пили в нем бесплатно. По уничтожении опричнины в кабаке вино начали уже продавать за деньги. Однако же нововведение это народу не нравилось как потому, что опричники производили в кабаке буйство, так и потому, что хлебное вино было почти новостью и народ любил еще квас, пиво и мед. Внимая ропоту и негодование народа, благочестивый царь Федор Иоаннович тотчас же по вступлении своем на престол приказал кабак уничтожить.

Борис Годунов для увеличения государственных доходов приказал первый кабак снова возобновить, а когда вступил на престол сам, то продажу крепкого вина, пива и медов отдал частным лицам на откуп. Народ хотя и роптал по этому поводу, но уже далеко менее.

Царь Михаил Федорович, желая удержать народ от зарождавшегося пьянства, повелел уничтожить все кабаки, но учредил конторы, в которых продавалось вино в известном количестве. Мера эта никакой пользы не принесла.

При царе Алексее Михайловиче определено быть в каждом городе по одному кабаку, а в Москве – трем, но кабаки вскоре превысили это число. Народ вошел во вкус.

Таким образом, с легкой руки опричников Москва начала «испивать» первая, и до того «испивать», что нашему посольству, бывшему в Испании в 1667 г., показалось за диковину, что оно на улицах Мадрида не встречало пьяных. Вот как об этой диковине записано в статейном списке посольства: «Гишпанцы не у пьянчивы: хмельного питья пьют мало и едят по малу. В Гишпанской земле будучи, посланники и все посольские люди в семь месяцев не видали пьяных людей, чтобы по улицам валялись или, идучи по улице, напився пьяны, кричали».

Петр I продажу водки возложил на ратуши, и оттого при нем государство уже ощутило значительный и верный доход. Особенно увеличилось пьянство при Петре. Присяжные «питухи» его времени, Зотов и Батурлин, верно, на свой пай выпили немного меньше, чем вся Русь с 1389 по 1552 г., то есть по год построения первого кабака на Балчуге. Попойка обык-

новенно началась выпивкой кубка за царское величество, за царицу и за каждую особу из царской фамилии, потом за патриарха, за непобедимое оружие, за каждого из присутствующих. Не выпить полного кубка считалось непочтением к той особе, чье здоровье пили; хозяин же, обыкновенно начиная неотступную просьбою, убеждал выпивать до капли.

При Петре Великом первым тостом был кубок о призвании милости Божией, а вторым – благоденствие флота, или, как его называл сам Петр, «за семейство Ивана Михайловича Головина». За вторым тостом следовали уже другие. Часто (особенно при спуске кораблей) пирушки и попойки были весьма веселы. Так, например, 27 июля 1721 г., при спуске корабля «Пантелеймон», видели в одном углу князя Кантемира, борющегося с петербургским обер-полицеймей-стером графом Девиером; а в другом старик адмирал Апраксин со слезами на глазах дрожащею рукою подносил последний кубок полусонным своим приятелям.

Везде слышны были цоканье стаканов и обеты вечной дружбы; изредка шумели и спорили. Некоторые из петровских приближенных имели особенную способность угощать своих посетителей. Таков был князь-кесарь Ромодановский, таков же был и упомянутый выше адмирал Федор Матвеевич Апраксин. «Часто, – сообщают современники, – видели этого почтенного старика с обнаженною головою, покрытою сединами, стоящего на коленях перед упрямым гостем с просьбою осушить еще последний кубок. Скажите, кто бы не уважил почтенного генерал-адмирала!»

Можно сказать положительно, что со дней Петра брага и водка стали в русской семье неизменными спутниками пира, похорон, свадьбы, драки, мировой сделки и скромной благодушной беседы.

С 1746 г. русскому человеку надлежало уже положительно влюбиться в свою родственную влагу. Указ говорил: «Конфисковать, ежели кто вывезет из-за границы в Россию хлебное вино простое, двойное и водки хлебные». Надо полагать, именно с этих-то дней и начинается химический процесс превращения вина в водку или спирта в водку специальную, и русский человек всем сердцем привязывается к кабаку. В старину однако ж кабаки назывались кружалами, от кружек, в которых подавалось вино, потом фортинами – от меры вина около штофа. Название «питейных домов» кабакам дано в 1779 г.

Неизв. художник. Московский дворик близ Волхонки, 1830-е гг.

Кабак – это был клуб простого народа, где велась беседа по целым дням и ночам. Оттого и пословицы: «Людей повидать, в кабаках побывать», «Где хотите, там и бранитесь, а на кабаке помиритесь», «Где кабачок, там и мой дружок». При некоторых кабаках были игры «не на деньги, но для приохочивания покупателей на напитки и для приумножения казенного дохода и народного удовольствия». Прежде над кабаками были гербы, а по праздникам знамена, флаги, выпела, но потом все это воспретили и дозволили только простые надписи. Одно время ставили елку, и так как эти заведения приносили большой доход, то и сложилась пословица: «Елка зелена, денежку дает». «В 1626 г. в Москве было только 25 кабаков, в 1775 г. на 200 тысяч жителей – 151, в 1805 г. – 116, а в 1866 г., когда сивуха получила название дешевки – 1248 кабаков. Теперь, по крайней мере в столицах, мы избавлены от этих милых заведений»³.

«Милых» заведений, как их назвал Иван Кондратьев, и сегодня в Москве в избытке...

Волхонка – одна из старейших московских улиц по времени своего образования и заселения. Двухэтажная застройка, доставшаяся в наследство от века XIX, гармонично дополнилась четырех-пятиэтажными домами начала XX в. и занимает весь квартал. Владельцами домов, представляющих ныне нашему взору, были представители богатых сословий московского общества. В советское время их сменили жильцы коммуналок, в которые были превращены бывшие дворянские усадьбы и доходные дома.

Волхонка относится к тем немногим московским улицам, на которых в годы советской власти не построили почти ни одного здания. Зато разрушено было немало. В 1931 г. взорвали храм Христа Спасителя для строительства на этом месте Дворца Советов, в 1932-м снесли церковь Николы Стрелецкого, стоявшую на пересечении со Знаменкой. В 1938 г. разобрали дом 1,

³ Из «Хроники событий 1584–1613 гг...», авторы – ландскнехт Конрад Буссов и пастор лютеранской церкви в Москве Мартин Бер.

мешавший въезду на новый Большой Каменный мост. И хотя новостроек советского времени на Волхонке почти нет, снесено было порядочно. Изрядно «почистили» многие усадьбы Волхонки – Голицыных, Волконских, Шуваловых, Михалковых...

Если бы воплотился в жизнь план строительства Дворца Советов, то не о чем было бы сегодня писать, так как Волхонка становилась по этому плану частью огромной площади, созданной на пересечении двух широких проспектов: Северный порт – Южный порт и Измайлово – Юго-Запад, а здание Музея изобразительных искусств и вовсе предполагалось перенести еще дальше от красной линии улицы. Лишь война помешала планам преобразователей красной Москвы.

Но, как известно, свято место пусто не бывает. К Волхонке это выражение имеет более чем прямое отношение. Долгое время, начиная с 1960-х гг., над Волхонкой чадил своими парами хлора бассейн «Москва», причиняя немало вреда Музею изобразительных искусств. Бассейн раскинулся аккуратно на месте взорванного храма.

И казалось, что надо было бы после всего этого оставить Волхонку в покое. Но нет. В 1972 г. в Москве с хлебом-солью встречали президента США Ричарда Никсона. С хлебом-солью – это, конечно, преувеличение. Но визит этот и впрямь был исторический. Это сейчас американские президенты наезжают в Москву чуть ли не ежегодно. А тогда впервые в истории в столицу СССР, государства, которое Соединенные Штаты Америки долго не признавали и так много сделали для его уничтожения, прибыл американский президент. Президент США Никсон и прибывшая с ним орда помощников, бизнесменов, журналистов и прочей публики должны были увидеть действительно образцовый социалистический город. Поэтому из Москвы убрали за 101-й километр не только тех, кто, так сказать, вел антиобщественный, аморальный образ жизни, но и стерли с лица земли все остальное, ветхое и старое, что могло попасться на глаза придирчивым янки.

Так обратили внимание и на обветшалость тех домов Волхонки, которые были видны с Боровицкой площади. Эти здания бросались в глаза из окон лимузинов, проносившихся по Знаменке прямо в Боровицкие ворота Кремля. Вполне возможно, если бы не визит американского президента, стояли бы эти дома и сейчас. А тогда их просто снесли. Практика вполне обычная для тех лет. Вопрос о реставрации даже и не рассматривался. Зато какая экономия для бюджета!

Что же за дома снесли на Волхонке и с чьими именами они связаны?

В доме 1 жил основоположник научной реставрации в России и директор Московского дворцового архитектурного училища Ф.Ф. Рихтер. Благодаря ему многие храмы и соборы Первопрестольной сохранились до наших дней. На работу Рихтеру ходить было недалеко, через дорогу – училище находилось в Кремле, в здании Сената. В 1848–1852 гг. к Рихтеру заезжал Н.В. Гоголь, интересовавшийся у хозяина историей московского зодчества.

Дома 2–4: в XVII в. в этих местах стояли палаты окольничего Федора Михайловича Ртищева, сподвижника и друга царя Алексея Михайловича. Ртищев при жизни получил известность как просветитель и благотворитель, основатель Андреевского монастыря в Москве, а также больниц, школ и богаделен. При Андреевском монастыре он создал так называемое Ртищевское братство, занимавшееся переводом книг. В 1652 г. в обители открылось училище, где обучали грамматике, разным языкам, риторике и философии. А после смерти Ртищева училище было переведено в Заиконо-спасский монастырь, став основой Славяно-греко-латинской академии. Неудивительно, что современники называли его «милостивым мужем», то есть человеком, оказавшим многие благодеяния и милости.

В память о Ртищеве было составлено «Житие милостивого мужа Федора, званием Ртищев», что было весьма редким явлением для мирского человека. Василий Ключевский сравнил его с маяком, подобным тем, которые «из своей исторической дали не перестанут светить,

подобно маякам среди ночной мглы, освещая нам путь». Образ Федора Ртищева запечатлен на памятнике «Тысячелетие России», поставленном в Новгороде в 1862 г.

В большом доме 5 в 1830—1850-х гг. жила семья Полуденских. Отец – Петр Семенович Полуденский, действительный статский советник, почетный опекун Московского опекунского совета. В 1834 г. пожалован чином тайного советника, с 1837 г. сенатор. Его сын – известный библиограф Михаил Петрович Полуденский, основатель журнала «Библиографические записки», секретарь Общества любителей российской словесности при Московском университете, с 1868 г. – церемониймейстер Высочайшего двора. В гостях у Полуденских часто бывал исследователь русского фольклора А.Н. Афанасьев, издавший «Народные русские сказки».

В 1860-х гг. в этом же доме проживал известный библиофил Г.И. Геннади, всю свою жизнь отдавший собиранию редких книг. Его уникальное собрание из более чем пятнадцати тысяч книг, к сожалению, оказалось распродано после смерти владельца в 1880 г. Кроме того, он занимался и издательской деятельностью, переиздавал сочинения

А.С. Пушкина, за что удостоился эпитафии С.А. Соболевского:

О, жертва бедная двух адовых исчадий,
Тебя убил Дантес и издает Геннади.

Руководствуясь благим намерением сохранить каждое пушкинское слово, Геннади вставлял в текст где надо и не надо зачеркнутые самим поэтом строки. Можно себе представить, что из этого получилось и какая вышла книга. Вот потому-то Соболевский и разразился столь обидной эпитафией.

Почти в эти же годы по данному адресу квартировал художник И.Н. Крамской. А в 1910-х гг. в доме жил ученый-филолог А.М. Пешковский, внесший неопределимый вклад в изучение русского языка. Книги его до сих пор переиздаются, например «Русский синтаксис в научном освещении».

Здесь Пешковского посещал его друг поэт Максимилиан Волошин, читавший хозяину дома свои стихи, позднее составившие книгу «В год пылающего мира», вышедшую в 1915 г.

Дальше речь пойдет о домах, которые еще пока стоят на Волхонке.

Улица Волхонка, дом 6. Семейное гнездо Михалковых

Дом построен в 1911 г., архитектор И.И. Кондаков.

Здание это известно как доходный дом Михалковых, представителей знаменитой дворянской фамилии. Это не единственный дом на Волхонке, принадлежавший им когда-то. На протяжении XIX в. в домах, владельцами которых были Михалковы, жили писатель П.И. Мельников-Печерский, артистка Малого театра Н.А. Никулина, автор проекта храма Христа Спасителя архитектор К.А. Тон. О последнем обитателе Волхонки расскажем подробнее, выдающийся вклад его в архитектуру Москвы дает нам на это право.

Константин Андреевич Тон родился 26 октября 1794 г. в Петербурге. Происходил он из тех немцев, которые переселились в Россию в XVIII в. Главным образом это были строители, инженеры и художники из Саксонии. Они приехали строить Санкт-Петербург по приглашению Екатерины II. Отец Тона, обрусевший немец Андрей Тон, имел свое ювелирное дело. Семья Тон по вероисповеданию была лютеранской (кстати, прямые потомки Тонов живут ныне на своей исторической родине, в Германии. Они уехали из России после 1917 г.).

Волхонка, дом 6

В семье было трое сыновей: Александр, Константин и Андрей. Все они были отданы на обучение в Академию художеств. Этому способствовало то, что академия была вполне доступным учебным заведением, где могли учиться дети ремесленников, мещан и крестьян. Все братья стали архитекторами, получили впоследствии звание академиков. Александр, как и Константин, достиг в своей карьере профессорской должности, но работал не только как архитектор, но и в качестве графика, специалиста в области литографии. Андрей, закончив учение, переехал в Харьков, был там профессором университета.

Константин Тон обучение в академии начал в 1803 г. Учеба для девятилетнего мальчика была чрезвычайно обременительной по времени. Школьный день длился с пяти часов утра

до девяти вечера. Тон, как и полагалось по уставу академии, провел в ее стенах двенадцать лет. В академии преподавали знаменитые зодчие-классицисты. Он учился сначала у А.Д. Захарова, руководившего архитектурным классом, затем с 1809 г. у А.Н. Воронихина. Согласно правилам прохождения курса учащиеся архитектурного отделения разрабатывали по заданиям педагогов учебные проекты, лучшие из которых отмечались медалями разного достоинства. В общепринятой классической манере Тоном были выполнены первые композиции – «Великолепное и обширное здание среди сада для вмещения в нем разного рода редкостей» (1811) и «План для общественного увеселения жителей столичного города» (1812).

На старших курсах Тон получает первые награды: малую серебряную медаль за «Инвалидный дом» и большую серебряную за «Монастырь» (1813). В 1815 г. он выполняет выпускную программу «Здание Сената». Удостоившись за нее малой золотой медали, Тон окончил академию и был оставлен при ней пенсионером, войдя в число тридцати выпускников, ожидавших командировки за границу «для усовершенствования в искусствах». Ему было присвоено звание художника первого класса.

В июне 1817 г. «за недостатком способов сего заведения» академия вынуждена была предложить пенсионерам «присыскать себе приличную способностям своим службу или состояние», но Тон нашел себе работу и оставил академию еще в 1816 г. А служил художник первой степени теперь чертежником при Комитете для приведения в лучшее устройство всех строений и гидравлических работ в Санкт-Петербурге и прикосновенных к оному местам. Этот комитет возглавлялся известным инженером А.А. Бетанкуром (автором проекта московского Манежа) и предназначался для руководства всеми крупными архитектурно-строительными работами столицы. Здесь служили крупнейшие зодчие К.И. Росси и В.П. Стасов. Именно в тот период, когда здесь работал Тон, то есть в 1816–1818 гг., архитекторы комитета разрабатывали проекты основных ансамблей Петербурга. Работа в комитете, причастность к крупным градостроительным проектам помогли Тону освоить принципы архитектурной организации городских пространств. Это сказалось впоследствии на необыкновенной точности, позволяющей Тону вписывать свои постройки в городскую среду.

Известна одна творческая работа Тона тех лет: он спроектировал для графа Зубова оранжерею для разведения ананасов, обогреваемую паром, водогрейное устройство при этом одновременно обслуживало и прачечную.

Константин Тон не порывал связей и с академией, продолжая разрабатывать проекты по программам для соискателей академических званий. В 1817 г. президентом Академии художеств стал А.Н. Оленин – энергичный организатор и просветитель, знаток искусства, окружавший себя деятелями русской культуры. Тон попал в общество, постоянными членами которого были лучшие представители русской интеллигенции первой трети XVIII в. Жуковский, Карамзин, Крылов, ученые, художники, артисты были постоянными гостями Оленина в доме на набережной Фонтанки. Стал здесь бывать и молодой архитектор Тон.

Поддержка Оленина впоследствии оказала огромное влияние на его творческую судьбу. Достаточно упомянуть тот факт, что граф возобновил поездки пенсионеров академии в Европу. Одним из первых, кто выехал за границу, был Тон. И Оленин этому всячески способствовал. Претендуя на поездку в Италию, Тон представил на суд академии проект ярмарки, сопроводив его просьбой: если труд его «заслуживает внимания совета, удостоить его посылкою, для усовершенствования в художестве, в чужие края на казенном содержании». Шансов на поездку было немного. Однако прошло всего полгода – и в 1819 г. Тон уезжает за границу.

За границей Тон провел девять лет. Выехав из Петербурга в мае 1819 г., через Берлин, Дрезден, Вену он едет в Италию, ставшую основным местом его работы. Вместе с ним были и другие пенсионеры академии: Глинка, Гальберт, Щедрин, Басин.

В Италии Тон изучает памятники искусства Античности и Возрождения, в частности комплекс руин на Палатинском холме в Риме. Исследования античных развалин, предприня-

тые Тоном, позволили ему разработать проекты реставрации святилища Фортуны в Пренесте и комплекса императорских дворцов на Палатине в Риме. Создание подобных «реставраций» считалось обязательным разделом программы занятий академических пенсионеров в Италии: оно должно было способствовать лучшему усвоению законов классической композиции, которые молодым архитекторам предстояло затем использовать в проектной практике.

До возвращения в Россию Тон почти не занимался проектированием зданий. Его биографы упоминают лишь один особняк, построенный им в Швейцарии по частному заказу; он пробовал также силы в конкурсе на проект застройки восточной стороны Дворцовой площади в Петербурге. Но проект остался на бумаге.

В декабре 1828 г. К.А. Тон возвращается в Петербург. Президент Академии художеств, которым оставался все тот же Оленин, поручил Тону разработать проекты оформления парадных залов академии, остававшихся не вполне отделанными со времени окончания строительства академического здания в 1780-х гг. Недавний пенсионер с успехом решил предложенную ему задачу: уже в самом начале 1829 г. его проекты удостоились «высочайшего одобрения».

Проекты, выполненные К.А. Тоном по заданию А.Н. Оленина, сыграли в жизни архитектора важную роль. Именно за них, а также и за пенсионерские работы по реставрации античных памятников, привезенные из Италии, Тон в 1830 г. был удостоен звания академика.

Со следующего года он начал преподавать в архитектурном классе, а еще два года спустя занял в академии должность профессора второй степени. Преподаванием Тон занимался фактически до конца жизни, воспитав за это время много учеников.

А в Петербурге в 1827 г. началось проектирование церкви Святой Екатерины у Обводного канала. Императору Николаю I было представлено до восьми проектов разных зодчих. Но все они не удостоились высочайшего одобрения. Государь говорил: «Что это все хотят строить в римском стиле; у нас, в Москве, есть много прекрасных зданий совершенно в русском вкусе». Тон приехал по этому поводу к А.Н. Оленину, «который... посоветовал сделать что-нибудь в этом роде. Тон составил проект русского храма XVII века. Государю этот проект понравился. Тон приобрел известность, и с тех пор начались в России постройки храмов и зданий в русском стиле» (по воспоминаниям Ф. Солнцева).

В этот период творческая деятельность К.А. Тона оказалась связанной с романтическим направлением, развивавшимся в русском искусстве. К этому же времени относятся первые, еще не подкрепленные солидными научными данными попытки реставрации древних сооружений. Они были предприняты в рамках так называемых «художественно-археологических» изысканий, проводившихся в том числе по инициативе и под руководством Тона. За этими исследованиями следил император Николай I, приметивший архитектора.

В начале 1830-х гг., ставших столь знаменательной вехой в биографии К.А. Тона, проводился еще один очень важный архитектурный конкурс. Его целью была разработка проекта храма Христа Спасителя в Москве, задуманного как памятник победе России в Отечественной войне 1812 г.

Приступая к выполнению программы на соискание профессорского звания в 1832 г., Тон просит у совета академии разрешения заменить заданный ему проект монастыря проектом храма Христа Спасителя, только что исполненным им в русско-византийском стиле. Совет пошел зодчему навстречу.

Одобрение Николаем I проекта церкви Святой Екатерины побудило Тона и в данном случае искать удачи на пути переработки и интерпретации форм древней национальной архитектуры. Этот путь привел к успеху, и 10 апреля 1832 г. Николай I начертил на окончательном варианте проекта К.А. Тона одобряющую резолюцию. Но, проектируя самый известный московский храм на Волхонке, архитектор стремился использовать другие, чем прежде, композиционные принципы: теперь он вдохновлялся не изощренными в своей декоративности церквами XVII в., а стремился подчеркнуть сходство созданного им образа с могучими крем-

левскими соборами. Этому способствовали и монументальные пропорции основного объема здания, и относительная скупость внешней декорации. Зато внутри храм должен был поражать великолепием декоративной отделки, разнообразием отделочных материалов, красочностью росписей.

Детализация общего замысла Тона, разработка рабочих чертежей и шаблонов, эскизов внутреннего убранства, наконец, исполнение проекта в натуре – все это потребовало многих лет напряженного труда большого коллектива архитекторов, техников, живописцев, каменщиков и мастеров других специальностей. Всей этой армией строителей и художников руководил сам Константин Андреевич Тон, а в его отсутствие наблюдение за строительными работами вели его помощники, в числе которых были А.И. Резанов, Л.В. Даль, И.С. Каминский, И.И. Свиязев и другие.

Вторая треть XIX в. стала подлинным расцветом деятельности Тона. Что он только не строил, утверждая свой русско-византийский стиль. Пристань на Неве у Академии художеств (со статуями египетских сфинксов и бронзовыми светильниками), восемь церквей в Петербурге и его окрестностях, а также храмы в Свеаборге, Костроме, Саратове, Ельце, Задонске, Красноярске, иконостас Казанского собора в Петербурге, упомянутый нами храм Христа Спасителя, Большой Кремлевский дворец, восстановление древних зданий, казармы и инвалидные дома, частные дома и памятники – таков диапазон его творчества. Нельзя обойти вниманием и спроектированное Тоном здание Николаевского, ныне Ленинградского, вокзала в Москве (1848–1852), а всего по проекту зодчего построено три вокзала.

Итогом церковного проектирования Тона стал выпуск в Санкт-Петербурге в 1838 г. альбома «Проекты церквей, сочиненные архитектором Ее Императорского Величества профессором Константином Тоном», содержащего наряду с изображением выстроенных сооружений «образцовые проекты» храмов. Высочайшим указом в 1841 г. они были рекомендованы в качестве образца подлинно национальной архитектуры. Это был апофеоз архитектурной деятельности Тона. Никто после него не удостоивался такой чести и не приближался так близко к императору.

Но и этого царю Николаю Павловичу оказалось мало. Он настолько полюбил Тона, что только его позиционировал как истинно русского архитектора. В 1840 году Тону поручается уже составление атласа образцовых проектов крестьянских строений для различных частей страны. В короткий срок – менее полугода – зодчий разработал 89 проектов жилых, общественных построек и служб для села. Для того чтобы в каждой деревне, а не только в столице подданные Российской империи смогли бы насладиться результатами его труда.

В 1837 г. в составе группы московских мастеров Тону было поручено составление проектов Большого Кремлевского дворца и Оружейной палаты, в которых композиционными и стилевыми средствами Тон должен был подчеркнуть связь с национальным прошлым – древними храмами и дворцами Кремля. Что в итоге ему удалось с лихвой, в доказательство тому были созданная им живописно-свободная планировка ансамбля, сводчатые и купольные перекрытия, декоративные аналогии с архитектурными формами XVII в. и т. д.

Возглавляя стройку с 1838 г. в качестве главного архитектора, Тон сумел довольно в короткие сроки (до 1851 г.) осуществить все необходимые работы. Короткие – по сравнению с тем, сколько возводился храм Христа Спасителя. А ведь только в одном Большом Кремлевском дворце Тон спроектировал более семисот помещений, среди которых и колоссальные, богато украшенные парадные залы, и не менее великолепные по отделке императорские апартаменты.

По проекту Тона сооружена колокольня Симонова монастыря (заложена в 1835 г.; к излучине Москвы-реки вынесена по проекту Н.Е. Тюрина). Тон построил здание Малого театра (1840) и Инвалидный дом в Измайлове. В московских постройках наиболее активно проявились стилевые и конструктивные поиски Тона, определившие масштаб его творчества как одного из крупнейших архитекторов середины XIX в.

И хотя в 1850-х гг. архитектор разработал еще несколько интересных проектов (среди них проекты металлического шпиля собора Петропавловской крепости в Петербурге и восстановления после пожара московского Большого театра), реализации на практике они не получили. А с 1860-х гг. К.А. Тон фактически прекратил проектную работу. В эти годы он продолжал наблюдение (в значительной степени лишь формальное) за работами в храме Христа Спасителя и по-прежнему преподавал архитектурную композицию в Академии художеств. Освящен храм был в 1883 г. Сам же Константин Андреевич успел дожить лишь до окончания строительства храма, но не увидел его освящения – в то время архитектор был уже очень болен... В 1881 г. Тон скончался.

Современники по-разному оценивали значение творческой деятельности К.А. Тона. Одни (большинство) видели в архитекторе реформатора и новатора, использовавшего необычные конструктивные решения, настойчиво искавшего новые пути дальнейшего развития строительного искусства, что способствовало «низложению» устаревающего классицизма и в то же время возрождению вечно живых античных традиций.

И Тон нашел этот путь. Будучи, судя по его работам и эскизам, настоящим аккуратным немцем, Тон сумел создать целое архитектурное направление, вошедшее в историю под названием русско-византийский стиль. Это происходило в то время, когда в русской архитектуре совершался отход от вчерашнего господства классицизма и утверждалось понятие «эклехтика». Это греческое слово в переводе на русский язык означает «выбирающий». В академических стенах его стали понимать как «сознательный выбор» архитектурных форм, созвучных идеям зодчего. Константин Андреевич Тон работал методом сознательного выбора, отдавая предпочтение русско-византийскому стилю, в котором воплощалась идея имперской преемственности от второго Рима (византийского) к Третьему Риму (российскому).

XIX в. вообще был временем возрождения древних архитектурных стилей как на Западе, так и на Востоке. На основании изучения архитектуры древнерусских храмов Тон создал свою особую архитектуру, идея которой настолько понравилась императору Николаю Павловичу, что он распространил ее на всю остальную Российскую империю.

Другая же часть общества, представлявшая его демократическое крыло, усматривала в произведениях К.А. Тона лишь «материальное воплощение реакционной политики режима Николая I» и отказывалась признать за ними сколько-нибудь существенные художественные достоинства. В укор Тону ставилось то, что на самые высокие ступени архитектурной иерархической лестницы (а тех, кто взбирается на эту лестницу, в России традиционно не любят) ему помогло подняться то, что его стиль в полной мере отражал идеологическое содержание правительственной программы «Православие, самодержавие, народность». Это была широко известная в ту пору формула министра просвещения С.С. Уварова, согласно которой велась борьба со всяким инакомыслием, особенно навязанным с Запада. Негативное отношение к творческому наследию зодчего стало позднее характерным и для советского периода; это послужило одной из причин того, что многие культовые здания, построенные по проектам К.А. Тона, были безжалостно снесены.

Итак, творческое наследие Константина Тона противоречиво, но очень характерно для своего времени, пограничного между двумя большими архитектурными эпохами – классицизмом и эклектикой. Но нет сомнения в том, что зданиям, построенным по проектам Тона, суждена длинная жизнь.

К Тону мы еще вернемся, когда будем говорить о храме Христа Спасителя, а пока вновь о Волхонке. В 1860-х гг. во владениях Михалковых находился известный на всю Москву книжный магазин и публичная библиотека-читальня Ушакова.

Купеческий сын Александр Сергеевич Ушаков (1836–1902) с детства имел пристрастие к книгам. Его дядя, известный книготорговец В.В. Логинов привил ему эту любовь. Он ввел

племянника в круг своих друзей, среди которых были не только книги, но и знаменитые московские актеры П.С. Мочалов и В.И. Живокини.

Но не сразу Ушаков смог заняться любимым делом, обстоятельства заставили его вскоре после окончания Московского коммерческого училища выехать в Европу. Он жил в Англии и Германии. С 1863 г. он уже трудится приказчиком в книжном магазине А.Ф. Черенина в Среднем Кисловском переулке. В 1864 г. Черенин покупает библиотеку А.М. Дмитриева на Волхонке и затем уступает ее своему способному сотруднику, заметив его предпринимательскую жилку и желание развить дело. С 1865 года в книжном магазине на Волхонке Александр Ушаков уже полновластный хозяин. За прилавком стоит его супруга Фелицата Ивановна, девушка из старообрядческой семьи. На нее и легли основные обязанности по управлению магазином.

Нельзя сказать, что книжная торговля приносила баснословные барыши, а потому Ушаков вынужден был еще и поступить на службу в Московскую городскую думу, где занимал должность помощника городского секретаря. Затем в его послужном списке появилась должность присяжного стряпчего, иными словами, адвоката.

Если бы Ушаковы преследовали исключительно коммерческие интересы, то вероятно, что и покупателями их магазина была бы состоятельная публика. Но ими двигали сугубо просветительские цели. Вот потому-то в магазине на Волхонке часто можно было встретить студентов и преподавателей близлежащего университета, домашних учителей, врачей, мелких чиновников... Словом, тех, кто жил скромно, находя тем не менее редкую возможность покупать книги.

Просвещению способствовала и деятельность библиотеки Ушаковых, посещать которую можно было по абонементам, что были весьма недороги. А тех, кто не мог заплатить и этого, Ушаковы приглашали в бесплатную читальню, которую они первыми открыли в Москве при своей библиотеке. Работа читальни поддерживалась сборами от благотворительных литературных вечеров, устраиваемых при библиотеке.

Нередко на вечерах выступал и сам гостеприимный хозяин, являвшийся автором многих очерков и книг. Большую популярность заслужили его «Очерки Москвы», написанные им под псевдонимом Николай Скавронский. А еще вышли книги «О чае и сахаре в русской торговле», «Очерк характера Ростовской сборной ярмарки и промышленности Ростовского уезда», «Из истории Преображенского кладбища. Рассказ одного из обращенных» и другие. Писал Ушаков и пьесы: «Комиссионер», «Рискнул да и закаялся», «Искал булавку, а нашел жену», «Старообрядка». Но наибольшую ценность имеют мемуары Ушакова, в них можно прочесть немало интересного о московском быте второй половины XIX в.

В доме на Волхонке в начале прошлого века жил и выдающийся хирург Лев Львович Левшин (1842–1911), спасший многие жизни. В 1866 г. он окончил Медико-хирургическую академию, был профессором Казанского, а с 1893 г. и Московского университетов, где заведовал кафедрой госпитальной хирургии. Врачом участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Сколько пациентов поставил он на ноги – не пересчитать. Травмы рук и ног, переломы, остеопластика, ранения черепа и т. д. Уже за это ему можно поставить памятник. Левшин, однако, пошел дальше, став одним из основоположников изучения и борьбы с онкологией в России. Благодаря его стараниям в 1903 г. при Московском университете был открыт Раковый институт.

Еще в феврале 1898 г. Левшин выступил с инициативой о строительстве «лечебницы-приюта для одержимых раком и другими злокачественными опухолями» на Девичьем поле. Он первым внес пожертвование на благое дело. Значительную часть требуемой суммы выделила семья фабрикантов Морозовых, почти 150 тысяч рублей (мать Варвары Морозовой Авдотья Хлудова скончалась от неизлечимой болезни в 1854 г.). Неудивительно, что институт, первым директором которого стал Левшин, в народе прозвали Морозовским. Профессор Левшин также основал многотомное издание «Русская хирургия».

Из семьи «тех самых» Михалковых происходит и Сергей Владимирович Михалков (1913–2009), детский писатель, автор слов гимна России, поэт и общественный деятель, который родился в этом доме.

Стоит сказать, что достижение довольно больших высот в советской элите выходцами из дворян, сохранение ими практически такого же положения, какое занимали их предки в царской России, – факт не единичный, и пример Михалковых здесь не одинок. Вспоминается семья Образцовых: отец – дворянин, инженер-железнодорожник, ставший академиком, генералом, сын – народный артист СССР, сталинский лауреат. Или семья купцов Абрикосовых – конфетных магнатов до 1917 г., после революции многие представители этой семьи сумели принести не меньшую пользу родине: среди них и известный хирург, и народные артисты, вахтанговцы, и академик – лауреат Нобелевской премии, получивший, правда, эту премию совсем недавно, уже будучи наполовину гражданином США. Список дворянских фамилий, пригодившихся советской власти, можно продолжать и дальше...

Обратимся, однако, к уроженцу Волхонки дворянину и Герою Соцтруда С.В. Михалкову: «Я, гражданин бывшего Советского Союза, бывший советский писатель, Сергей Владимирович Михалков, родился в царской России, в городе Москве 13 марта (28 февраля по старому стилю) 1913 г. Первые свои шаги сделал в доме 6 по улице Волхонке, что неподалеку от Кремля. В старом справочнике московских домовладельцев сказано: «Волхонка. Дом 6. Домовладелец Сергей Владимирович Михалков (брат моего деда). Строительная контора С. Маршак». Странное предзнаменование, связавшее эти две фамилии спустя двадцать лет! Помню, как няня Груша водила меня гулять в Александровский сад, к храму Христа Спасителя...»

Добавим, что однажды няня не усмотрела и выпустила коляску с малышом из рук. Коляска покатила и перевернулась вместе с ребенком, после чего маленький Сережа и стал немного заикаться. Уже через много лет Сталин сказал Михалкову (в шутку): «А вы не заикайтесь. Вот я Молотову сказал, чтобы он не заикался, он и не заикается больше».

Род Михалковых ведет свое происхождение от некоего Михалко Ивановича, поехавшего в Московию из Литвы в начале XV в. Отцом будущего поэта был коллежский асессор Владимир Александрович Михалков, мать – представительница еще одного дворянского рода, Ольга Михайловна Глебова. Актер Петр Глебов, исполнитель роли Григория Мелехова в фильме Сергея Герасимова «Тихий Дон», приходился Сергею Михалкову двоюродным братом.

Михалковы жили на четвертом этаже, а другие квартиры сдавались внаем и приносили немалый доход. Здесь родились и два брата Михалкова: «Средний брат, Александр, был, как он выражался, «технар», окончил энергетический техникум и транспортный институт, увлекался краеведением, печатался в «Вечерке», написал книжку об истории московского купечества, чье дело служило и после революции. Он участвовал в войне, умер в восемьдесят два года.

Младший брат, Михаил, издал автобиографическую повесть «В лабиринтах смертельного риска». Михаил побывал в немецком концлагере, откуда бежал, руководил партизанской группой, отмучился пять лет в Лефортовской тюрьме и в лагере под Рязанью. Оправдан, награжден орденом Славы за подвиги на войне. Через много лет после лагеря вышли сборники его стихов», – рассказывал Сергей Михалков.

Воспитывала братьев Михалковых уже другая няня, немка Эмма Ивановна. Благодаря ей братья стали не только свободно говорить по-немецки, но и читать в подлинниках Шиллера и Гете. Русскому языку и Закону Божьему учил их сельский священник отец Борис.

В древнем дворянском роду Михалковых сыновей часто называли именами Сергей и Владимир. На иконе Спас Нерукотворный, находящейся в музее г. Рыбинска, есть надпись: «Сим образом благословил сына своего Сергей Владимирович Михалков 29 августа 1881 г. Этот образ принадлежал стольнику и постельничему Константину Михалкову – четвероюродному брату царя Михаила Федоровича Романова». Есть в музее и другая семейная икона, написанная в середине XVII в. предком Сергея Владимировича Михалкова.

Учитывая многовековой «дворянский» стаж Михалковых, неудивительно, что крестным Сергея Владимировича стал генерал-губернатор Москвы Джунковский, назначенный незадолго до рождения Михалкова товарищем министра внутренних дел и командиром отдельного корпуса жандармов. В 1925 г., когда Михалкову было двенадцать лет, он побывал у крестного (расстрелян в 1938 г.), который и рекомендовал маленького поэта издателю детских книг Мириманову. Как пишет сам Михалков, «старик уважительно принял меня в частном издательстве на Гоголевском бульваре, 7, дал три рубля. То был мой первый авторский гонорар. Оставленную для просмотра рукопись вернул».

Недалеко отсюда жил и работал Василий Иванович Суриков, дочь которого вышла замуж за Петра Петровича Кончаловского – известного советского живописца. В свою очередь, уже дочь Кончаловского – поэтесса и переводчица Наталья Петровна Кончаловская стала женой Сергея Владимировича Михалкова.

Быть может, удачная женитьба стала тем счастливым случаем, что не раз потом будут встречаться в судьбе Михалкова. Вторично он вытянул счастливый билет, когда газета «Правда» напечатала его стихотворение «Светлана», посвященное любимой девушке поэта. Кто бы мог предполагать, что в этот день товарищ Сталин будет особо пристально читать газету. Возможно, поэтические строки заставили вождя прослезиться – ведь у него тоже была Светлана, любимая дочка, рано оставшаяся без матери.

Вскоре автор «Светланы» будет награжден орденом Ленина, что даст повод завистникам шептаться за спиной поэта об истинных причинах награждения. Дескать, Михалков заранее знал, кому надо адресовать свое произведение, чтобы быть замеченным вождем, а стихи и вовсе написаны его талантливой женой. И что только люди не придумают!

Потом еще раз повезло: на войне его, военного корреспондента, только контузило под Сталинградом. Он остался жив. А в 1943 г. из десятков вариантов именно его стихи Сталин выбрал для советского гимна. Правда, тогда у Михалкова еще был соавтор, Г. Эль-Регистан. Что и говорить, коллеги такого успеха не прощают.

Потом был еще один гимн – в 1977-м и еще один – в 2000-м. А между гимнами Сергей Владимирович сделал успешную карьеру писателя-функционера, дав повод к упрекам в чрезмерной лояльности к власти. Олицетворением этих упреков стала эпиграмма, приписываемая В. Гафту:

Россия! Слышишь страшный зуд?
Три Михалкова по тебе ползут...

Но Михалкова ничего не брало, как с гуся вода. А тем, кто удивлялся его непотопляемости уже в наше время, отвечал: «Пусть тебе мой гимн и не нравится, а стоять под него ты будешь!» Скончался он на 97-м году жизни, говорят, что последними его словами были: «Ну хватит мне. До свидания».

Любопытно, что ни один из потомков поэта не выбрал литературную стезю, добившись признанных успехов в основном в кинематографе. Его дети и внуки могли бы, собравшись вместе, составить приличную киностудию.

В Москве открыт памятник Сергею Михалкову, есть памятная доска на доме, где он жил. Хотели даже переименовать улицу, но вовремя опомнились: на севере столицы уже давно есть Михалковская улица. Думается, что лучшим памятником поэту останутся его стихи – для кого-то «Дядя Степа» или «А что у вас», а для кого-то и гимн Российской Федерации.

А что же с домом? Пережив более-менее благополучно советское время, он неожиданно оказался в центре архитектурного скандала в 1990-х гг. В 1999 г. дом этот был надстроен шестым этажом и двухъярусной мансардой, что вызвало справедливый гнев московской общественности. Оказывается, надстройка появилась без соответствующей проектно-разрешитель-

ной документации, в режиме самостроения. Подрядчика обвинили в нарушении режима охранной зоны Кремля, оштрафовали и предписали снести построенное.

Но вот обязательно ли ломать то, что он надстроил? – задумались архитекторы. Не лучше ли было бы устроить там смотровую площадку, что могло бы нейтрализовать возникший негативный эффект. В Москве вообще дефицит обзорных площадок. Сейчас посмотреть Москву с птичьего полета можно лишь с Останкинской телебашни и Воробьевых гор. А ведь можно было бы устроить их в лифтовых холлах здания мэрии на Новом Арбате, и внутри башни «Усадьба» во дворе Моссовета, и в том числе доме Михалковых на Волхонке.

Среди архитекторов, собравшихся на экспертно-консультативный общественный совет при главном архитекторе Москвы, было и такое мнение, заслуживавшее внимания: доходный дом Михалковых снести. Так как уже в начале XX в. он – пятиэтажный – сделал уровень застройки Волхонки, главным образом двух-трехэтажной, «неровным». Поэтому на его месте лучше выглядел бы двухэтажный особняк.

Но все же большинство архитекторов сошлись на том, что сломать необходимо только двухъярусную мансарду с незавершенным зимним садом и шестой этаж. Газета «Сегодня» писала о почти детективной истории, связанной с поисками архитектора, строившего шестой этаж: «Имя автора так никто и не назвал. Считается, что за два с лишним года строительства установить его было невозможно. Как и остановить стройку, раз она велась незаконно. Почему, интересно? А руководил надстройкой – энергичный представитель швейцарского инвестора – наш соотечественник, ныне уволенный за махинации. Видимо, по поводу дома б ему не удалось вовремя договориться с кем нужно. Однако виновным стал инвестор, вложивший в реконструкцию дома 10 млн долларов. Именно он, по московским понятиям, и должен быть наказан. Решение совета можно уподобить публичной порке инвестора. Место ведь заметное – напротив Кремля». В настоящее время дом оставили в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.